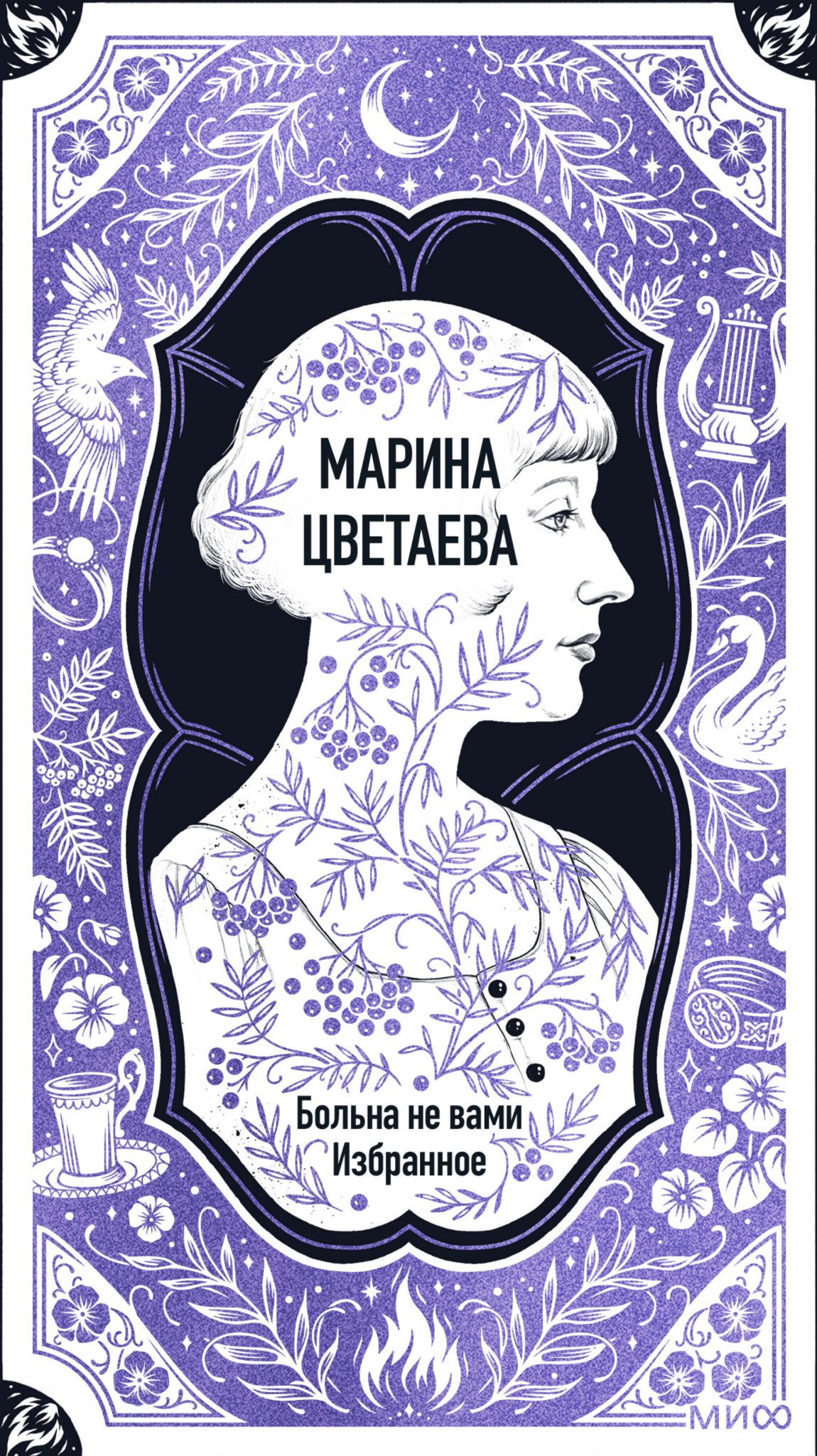




**МАРИНА
ЦВЕТАЕВА**

**Больна не вами
Избранное**

МИО

МИФ Проза

Марина Цветаева

**Марина Цветаева: Больна не
вами. Избранное. Вечные истории**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

1910–1930

УДК 821.161.1-14
ББК 84(2Рос=Рус)53

Цветаева М. И.

Марина Цветаева: Больна не вами. Избранное. Вечные истории
/ М. И. Цветаева — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 1910–
1930 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-281244-8

Поэзия Марины Цветаевой, одной из самых неординарных фигур Серебряного века, стоит особняком и верна лишь себе, но вобрала в себя не только личные боли и радости – она стала выражением величия и трагедии целой эпохи. Это стихия и бунт, надрыв души и предельная искренность. Ее строки пронизаны безудержной энергией и страстью – и в то же время могут источать щемящую тоску и нежность. Голос Цветаевой неповторим и своеобразен, но близок каждому: неслучайно ее стихи разошлись на песни. В книгу вошли избранные стихотворения разных лет, а также «Поэма Горы», «Поэма Конца» и другие.

УДК 821.161.1-14
ББК 84(2Рос=Рус)53

ISBN 978-5-00-281244-8

© Цветаева М. И., 1910–1930
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 1910–1930

Содержание

Из книги «Вечерний альбом»	6
Встреча	6
Маме	7
Дортуар весной	8
Наши царства	9
Даме с камелиями	10
В люксембургском саду	11
Молитва	12
Новолунье	13
Из книги «Волшебный фонарь»	14
За книгами	14
Колыбельная песня Асе	16
Дикая воля	17
«Мы с тобою лишь два отголоска...»	18
В раю	19
Из сказки – в сказку	20
Из цикла «Ока»	21
«Бежит тропинка с бугорка...»	21
«В светлом платьице, давно-знакомом...»	21
Жажда	23
Из книги «Юношеские стихи»	24
«Посвящаю эти строки...»	24
«Идешь, на меня похожий...»	26
«Моим стихам, написанным так рано...»	27
«Солнцем жилки налиты – не кровью...»	28
«Вы, идущие мимо меня...»	29
«Идите же! – Мой голос нем...»	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марина Цветаева

Больна не вами. Избранное

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Печатается по изданиям:

Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994–2012.

Т. 1. Стихотворения. 1994. 645 с.

Т. 2. Стихотворения. Переводы. 1994. 592 с.

Т. 3. Поэмы. Драматические произведения. 1994. 816 с.

© Оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *



Из книги «Вечерний альбом»



Встреча



Вечерний дым над городом возник,
Куда-то вдаль покорно шли вагоны,
Вдруг промелькнул, прозрачней анемоны,
В одном из окон полудетский лик.

На веках тень. Подобием короны
Лежали кудри... Я сдержала крик:
Мне стало ясно в этот краткий миг,
Что пробуждают мертвых наши стоны.

С той девушкой у темного окна
– Виденьем рая в сутолке вокзальной —
Не раз встречалась я в долинах сна.

Но почему была она печальной?
Чего искал прозрачный силуэт?
Быть может ей – и в небе счастья нет?..

Маме



В старом вальсе штраусовском впервые
Мы услышали твой тихий зов,
С той поры нам чужды все живые
И отраден беглый бой часов.

Мы, как ты, приветствуем закаты,
Упиваясь близостью конца.
Всё, чем в лучший вечер мы богаты,
Нам тобою вложено в сердца.

К детским снам клонясь неутомимо,
(Без тебя лишь месяц в них глядел!)
Ты вела своих малюток мимо
Горькой жизни помыслов и дел.

С ранних лет нам близок, кто печален,
Скучен смех и чужд домашний кров...
Наш корабль не в добрый миг отчален
И плывет по воле всех ветров!

Всё бледней лазурный остров – детство,
Мы одни на палубе стоим.
Видно грусть оставила в наследство
Ты, о мама, девочкам своим!

Дортуар весной



Ане Ланиной

О весенние сны в дортуаре¹,
О блужданье в раздумье средь спящих,
Звук шагов, как нарочно, скрипящих,
И тоска, и мечты о пожаре.

Неспокойны уснувшие лица,
Газ заботливо кем-то убавлен,
Воздух прян и как будто отравлен,
Дортуар – как большая теплица.

Тихи вздохи. На призрачном свете
Все бледны. От тоски ль ожидания,
Оттого ль, что солгали гаданья,
Но тревожны уснувшие дети.

Косы длинные, а руки так тонки!
Бред внезапный: «От вражеских пушек
Войско турок...» Недвижны иконки,
Что склонились над снегом подушек.

Кто-то плачет во сне, не упрямо...
Так слабы эти детские всхлипы!
Снятся девочке старые липы
И умершая, бледная мама.

Расцветает в душе небылица.
Кто там бродит? Неспящая поздно?
Иль цветок, воскресающий грозно,
Что сгубила весной теплица?

¹ Дортуар – общая спальня учащихся в закрытых учебных заведениях. Здесь и далее, если не сказано иное, прим. ред.

Наши царства



Владенья наши царственно-богаты,
Их красоты не рассказать стиху:
В них ручейки, деревья, поле, скаты
И вишни прошлогодние во мху.

Мы обе – феи, добрые соседки,
Владенья наши делит темный лес.
Лежим в траве и смотрим, как сквозь ветки
Белеет облачко в выси небес.

Мы обе – феи, но большие (странно!)
Двух диких девочек лишь видят в нас.
Что ясно нам – для них совсем туманно:
Как и на всё – на фею нужен глаз!

Нам хорошо. Пока еще в постели
Все старшие, и воздух летний свеж,
Бежим к себе. Деревья нам качели.
Беги, танцуй, сражайся, палки режь!..

Но день прошел, и снова феи – дети,
Которых ждут и шаг которых тих...
Ах, этот мир и счастье быть на свете
Ещё невзрослый передаст ли стих?

Даме с камелиями



Все твой путь блестящей залой зла,
Маргарита, осуждают смело.
В чем вина твоя? Грешило тело!
Душу ты – невинной сберегла.

Одному, другому, всем равно,
Всем кивала ты с усмешкой зыбкой.
Этой горестной полуулыбкой
Ты оплакала себя давно.

Кто поймет? Рука поможет чья?
Всех одно пленяет без изъятья!
Вечно ждут раскрытые объятья,
Вечно ждут: «Я жажду! Будь моя!»

День и ночь признаний лживых яд...
День и ночь, и завтра вновь, и снова!
Говорил красноречивей слова
Темный взгляд твой, мученицы взгляд.

Все тесней проклятое кольцо,
Мстит судьба богине полусветской...
Нежный мальчик вдруг с улыбкой детской
Заглянул тебе, грустя, в лицо...

О любовь! Спасает мир – она!
В ней одной спасенье и защита.
Всё в любви. Спи с миром, Маргарита...
Всё в любви... Любила – спасена!

В люксембургском саду



Склоняются низко цветущие ветки,
Фонтана в бассейне лепечут струи,
В тенистых аллеях всё детки, всё детки...
О детки в траве, почему не мои?

Как будто на каждой головке коронка
От взоров, детей стерегущих, любя.
И матери каждой, что гладит ребенка,
Мне хочется крикнуть: «Весь мир у тебя!»

Как бабочки девочек платица пестры,
Здесь ссора, там хохот, там сборы домой...
И шепчутся мамы, как нежные сестры:
– «Подумайте, сын мой»... – «Да что вы! А мой»...

Я женщин люблю, что в бою не робели,
Умевших и шпагу держать, и копье, —
Но знаю, что только в плену колыбели
Обычное – женское – счастье мое!

Молитва



Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.

Ты мудрый, ты не скажешь строго:
– «Терпи, еще не кончен срок».
Ты сам мне подал – слишком много!
Я жажду сразу – всех дорог!

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
И амазонкой мчаться в бой;

Гадать по звездам в черной башне,
Вести детей вперед, сквозь тень...
Чтоб был легендой – день вчерашний,
Чтоб был безумьем – каждый день!

Люблю и крест, и шелк, и каски,
Моя душа мгновений след...
Ты дал мне детство – лучше сказки
И дай мне смерть – в семнадцать лет!

26 сентября 1909

Таруса

Новолунье



Новый месяц встал над лугом,
Над росистой межой.
Милый, дальний и чужой,
Приходи, ты будешь другом.

Днем – скрываю, днем – молчу.
Месяц в небе, – нету мочи!
В эти месячные ночи
Рвусь к любимому плечу.

Не спрошу себя: «Кто ж он?»
Всё расскажут – твои губы!
Только днем объятья грубы,
Только днем порыв смешон.

Днем, томима гордым бесом,
Лгу с улыбкой на устах.
Ночью ж... Милый, дальний... Ах!
Лунный серп уже над лесом!

Октябрь 1909
Таруса

Из книги «Волшебный фонарь»



За книгами



«Мама, милая, не мучь же!
Мы поедем или нет?»
Я большая, – мне семь лет,
Я упряма, – это лучше.

Удивительно упряма:
Скажут нет, а будет да.
Не поддамся никогда,
Это ясно знает мама.

«Поиграй, возмись за дело,
Домик строй». – «А где картон?»
«Что за тон?» – «Совсем не тон!
Просто жить мне надоело!

Надоело... жить... на свете,
Все большие – палачи,
Давид Копперфильд²... – «Молчи!
Няня, шубу! Что за дети!»

Прямо в рот летят снежинки...
Огонечки фонарей...
«Ну, извозчик, поскорей!
Будут, мамочка, картинки?»

Сколько книг! Какая давка!
Сколько книг! Я все прочту!
В сердце радость, а во рту
Вкус соленого прилавка.

² Персонаж одноименного романа (1850) английского писателя Ч. Диккенса.

Колыбельная песня Асе



Спи, царевна! Уж в долине
Колокол затих,
Уж коснулся сумрак синий
Башмачков твоих.

Чуть колышутся березы,
Ветерок свежей.
Ты во сне увидишь слезы
Брошенных пажей.

Тронет землю легким взмахом
Трепетный плюмаж.
Обо всем шепнет со страхом
Непокорный паж.

Будут споры... и уступки,
(Ах, нельзя без них!)
И коснутся чьи-то губки
Башмачков твоих.

Дикая воля



Я люблю такие игры,
Где надменны все и злы.
Чтоб врагами были тигры
И орлы!

Чтобы пел надменный голос:
«Гибель здесь, а там тюрьма!»
Чтобы ночь со мной боролась,
Ночь сама!

Я несусь, – за мною пасти,
Я смеюсь, – в руках аркан...
Чтобы рвал меня на части
Ураган!

Чтобы все враги – герои!
Чтоб войной кончался пир!
Чтобы в мире было двое:
Я и мир!

«Мы с тобою лишь два отголоска...»



Мы с тобою лишь два отголоска:
Ты затихнул, и я замолчу.
Мы когда-то с покорностью воска
Отдались роковому лучу.

Это чувство сладчайшим недугом
Наши души терзало и жгло.
Оттого тебя чувствовать другом
Мне порою до слез тяжело.

Станет горечь улыбкою скоро,
И усталостью станет печаль.
Жаль не слова, поверь, и не взора —
Только тайны утраченной жаль!

От тебя, утомленный анатом,
Я познала сладчайшее зло.
Оттого тебя чувствовать братом
Мне порою до слез тяжело.

В раю



Воспоминанье слишком давит плечи,
Я о земном заплачу и в раю,
Я старых слов при нашей новой встрече
Не утаю.

Где сонмы ангелов летают стройно,
Где арфы, лилии и детский хор,
Где всё покой, я буду беспокойно
Ловить твой взор.

Виденья райские с усмешкой провожая,
Одна в кругу невинно-строгих дев,
Я буду петь, земная и чужая,
Земной напев!

Воспоминанье слишком давит плечи,
Настанет миг, – я слез не утаю...
Ни здесь, ни там, – нигде не надо встречи,
И не для встреч проснемся мы в раю!

Из сказки – в сказку



Всё твое: тоска по чуду,
Вся тоска апрельских дней,
Всё, что так тянулось к небу, —
Но разумности не требуй.
Я до самой смерти буду
Девочкой, хотя твоей.

Милый, в этот вечер зимний
Будь, как маленький, со мной.
Удивляться не мешай мне,
Будь, как мальчик, в страшной тайне
И остаться помоги мне
Девочкой, хотя женой.

Из цикла «Ока»



«Бежит тропинка с бугорка...»

Бежит тропинка с бугорка,
Как бы под детскими ногами,
Всё так же сонными лугами
Лениво движется Ока;

Колокола звонят в тени,
Спешат удары за ударом,
И всё поют о добром, старом,
О детском времени они.

О, дни, где утро было рай
И полдень рай и все закаты!
Где были шпагами лопаты
И замком царственным сарай.

Куда ушли, в какую даль вы?
Что между нами пролегло?
Всё так же сонно-тяжело
Качаются на клумбах мальвы...

«В светлом платице, давно-знакомом...»



В светлом платице, давно-знакомом,
Улыбнулась я себе из тьмы.
Старый сад шумит за старым домом...
Почему не маленькие мы?

Почернела дождевая кадка,
Вензеля на рубчатой коре,
Заросла крокетная площадка,
Заросли тропинки на дворе...

Не целуй! Скажу тебе, как другу:
Целовать не надо у Оки!
Почему по скошенному лугу
Не помчаться наперегонки?

Мы вдвоем, но, милый, не легко мне, —
Невозвратное меня зовет!
За Окой стучат в каменоломне,
По Оке минувшее плывет...

Вечер тих, – не надо поцелуя!
Уж на клумбах задремал левкой...
Только клумбы пестрые люблю я
И каменоломню над Окой.

Жажда



Лидии Александровне Тамбурер

Наше сердце тоскует о пире
И не спорит и всё позволяет.
Почему же ничто в этом мире
Не утоляет?

И рубины, и розы, и лица, —
Всё вблизи безнадежно тускнеет.
Наше сердце о книги пылится,
Но не умнеет.

Вот и юг, — мы томились по зною...
Был он дерзок, — теперь умоляет...
Почему же ничто под луною
Не утоляет?

Из книги «Юношеские стихи»



«Посвящаю эти строки...»



Посвящаю эти строки
Тем, кто мне устроит гроб.
Приоткроют мой высокий,
Ненавистный лоб.

Измененная без нужды,
С венчиком на лбу,
Собственному сердцу чуждой
Буду я в гробу.

Не увидят на лице:
«Всё мне слышно! Всё мне видно!
Мне в гробу еще обидно
Быть как все».

В платье белоснежном – с детства
Нелюбимый цвет! —
Лягу – с кем-то по соседству? —
До скончанья лет.

Слушайте! – Я не приемлю!
Это – западня!
Не меня опустят в землю,
Не меня.

Знаю! – Всё сгорит дотла!
И не приютит могила
Ничего, что я любила,
Чем жила.

Москва

«Идешь, на меня похожий...»



Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала – тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти – слепоты куриной
И маков набрав букет —
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь – могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже *была*, прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед:
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
– И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

3 мая 1913
Коктебель

«Моим стихам, написанным так рано...»



Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
– Нечитанным стихам!

Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берет,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

13 мая 1913
Коктебель

«Солнцем жилки налиты – не кровью...»



Солнцем жилки налиты – не кровью —
На руке, коричневой уже.
Я одна с моей большой любовью
К собственной моей душе.

Жду кузнечика, считаю до ста,
Стебелек срываю и жую...
– Странно чувствовать так сильно и так просто
Мимолетность жизни – и свою.

15 мая 1913

«Вы, идущие мимо меня...»



Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам, —
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растроченной даром,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
– И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох!

О летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы – если б знали —

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, —
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

17 мая 1913

«Идите же! – Мой голос нем...»



Идите же! – Мой голос нем,
И тщетны все слова.
Я знаю, что ни перед кем
Не буду я права.

Я знаю: в этой битве пасть
Не мне, прелестный трус!
Но, милый юноша, за власть
Я в мире не борюсь.

И не оспаривает Вас
Высокородный стих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.